

ЕЩЕ РАЗ ПРО БАЛЕТ

Нет в мире искусства древнее. Кажется, что нового преднесешь в подарок Терпсихоре — все испробовано, все изучено. Но как только этот убаюкивающий принцип утверждается на сцене, интерес к балету падает. Такое, судя по всему, наблюдается в некоторых наших театрах. А что происходит с балетом сегодня? Что ожидает его завтра? Об этом разговор с главным балетмейстером Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова, народным артистом СССР, лауреатом международных конкурсов и лауреатом премии Ленинского комсомола и Ленинградской комсомольской организации О. М. ВИНОГРАДОВЫМ.

— Олег Михайлович, цитировать рецензии на ваши недавние парижские гастроли не буду. Мы как-то привыкли: если наши за рубежом знают, обязательно «триумф советского балета»...

— Вы, журналисты, и подаете нас в таком стиле. Никогда не читал о неудачных гастрольях.

— Не думается ли вам, что искусство балета переживает определенный кризис? Не стало хороших спектаклей. Исчезли интересные постановки. Балет застопорился?

— Кировский театр испытал свои кризисы. Были потеряны критерии, вовремя не позаботились о смене поколений. Десять лет назад доставшая мне труппа состояла на 60 процентов из людей пенсионного возраста — самая старая труппа в стране. Сегодня в Кировском танцует в основном молодежь. Мой закон — создать атмосферу, в которой молодые максимально проявили бы себя. У нас идет старинная классика — «Корсар», «Баядерка», «Раймонда», «Лебединое озеро», «Жизель»... Представлены великие балетмейстеры прошлого — Петтига, Фокин, Сен-Леон, Бурнонвиль... И современные балеты Бежара, Пети, Балачина. Мы не имеем права отгораживаться от мира. Слава богу, информация сейчас доходит до нас шире, свободнее. Мы теперь отражаем не нашу узкую, цеховую балетную эстетику, а эстетику сегодняшнего времени.

— Вы считаете, в балете она резко отличается от прежней? Что изменилось?

— Прежде всего люди. Они видели и знают больше. Спектакли, что принесли мне известность в конце семидесятых, я в завтра взять не смогу. Например, чисто развлекательный балет — кто его будет смотреть? В зале чутко воспринимают сюжет. Предвижу стремление к балетной

пьесе — в ней и крупные партии, и диапазон выразительных театральных средств. Я — за театральный балетный спектакль. В него удастся вложить все: заиграют живописные декорации, великолепные костюмы, необычный свет, элементы новой техники.

— Какой же?

— Разной, даже акробатика, спорта. Не удивляйтесь. Балету не обойтись без перем. Балетмейстер умирает в актерах! Ты родил каждый момент на сцене, но тебе уже ничего не принадлежит. И ты бессилен что-либо исправить. Вот ведь ужас в чем. Композитор сочинил музыку — она принадлежит ему. Художник сотворил декорации — он автор. А спектакль, поставленный тобой, — уже не твой.

— Вы упомянули декорации. Не бывают ли они даже чересчур хороши, отвлекают? Вот плыла на сцене лодка в первом акте «Корсара», и зрители зашуршали программами: ищут имя художника.

— И хорошо, если теперь они его знают: Теймураз Мурванидзе того заслужил. Я сделал это в «Корсаре» не случайно. Из многих постановок ушла театральность. Зачем же поирать законы зрелищности? Был период — вместо декорации сплошные условности: на сцене черный фон и все. Но это же схема. Я за разные формы, и ни в ком случае одна не должна вытеснять, подавлять другую.

— Не лучше ли, Олег Михайлович, попробовать новинки не на классике — в современных балетах?

— Кто же против? Посмотрите нашего «Броненосца Потемкина». В Париже знаменитый французский балетмейстер Морис Бежар сказал при всей труппе, что это — лучшее из увиденного им.

— Наш балет — предмет русской национальной гордости. В былые годы иностранцы брали русские

имена. Мы не растеряем традиций?

— Посмотрите, кто сегодня вместе с нами определяет развитие международного мирового балета, кто преподает в ведущих школах. Так или иначе с Россией связанные — либо русские, либо в СССР учившиеся. В Советском Союзе в хореографические училища попадают талантливейшие — конкурс по-прежнему громадный. На Западе — кому по силам платить. В самой нашей системе заложены определенные преимущества, такие для нас естественные, что мы о них и не вспоминаем. А они в какой-то степени помогают держать лидерство.

— Во время вашего последнего выступления во Франции газеты особо отмечали молодых артистов, Фарука Рузमतова — ему 24 года. Хвалили Алтынай Асылмуратову, которой 26. Вы говорили, что большинство группы молодежь. Как ей живется? Кто особо по душе главному балетмейстеру?

— Упомяну еще нескольких солистов: Саша Лунев, Лена Панкова, Юлия Махалина — ей 18 лет, она только из училища и уже станцевала ведущие партии. Годом старше Вероника Иванова. Вот о ком говорят. Плюс у нас отличные резервы. Солист должен выискиваться в рисунке кордебалета. Здесь прививаются и воспитываются необходимые для солиста качества. Где бы мы ни гастролитовали, что бы ни показывали, кордебалет — наша первая гордость. Помогает молодежный творческий клуб. Он экспериментирует, выпускает спектакли, которые сильно отличаются от тех, что ставит основная группа. Клуб молодых — он как бы внутри нас, и возглавляет его молодой балетмейстер Андрей Босов.

— Балет молод по сути. Однако посмотрите, кто сидит в зале. Молодежи почти нет.

— Молодежная аудитория совершенно театром потеряна. Пытаемся вернуть потерянное, готовим для юных рок-балет «Репетиция» на очень хорошую музыку венгерского композитора Прессера в постановке его соотечественника Федора. Занят в нем молодежный состав.

— Судя по всему, Олег Михайлович, спокойной жизни не ожидается?

— Откуда? В Италии предложили быть директором Веронского балета. Но это к слову. Собираюсь поставить на открытой арене старинной Вероны ночной балет «Ромео и Джульетта». В 1990 году в Вероне сыграют матчи чемпионата мира по футболу. К этому времени предполагается и премьера. Хочу собрать балетную сборную мира. Работы и планов столько...

Н. ДОЛГОПОЛОВ.